

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ПРАВЕ: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ

В. В. Денисенко

*Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России*

LINGUISTIC PARADIGM IN LAW: AN ANALYSIS OF THE MAIN APPROACHES

V. V. Denisenko

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry

Аннотация: статья посвящена анализу лингвистической философско-правовой концепции. Раскрывается понимание языка как методологической основы понимания действия в постклассической юриспруденции. Исследуются практические и доктринальные аспекты лингвистических концепций в правотворчестве и правоприменении. Обосновываются взаимосвязь между коммуникативным пониманием сущности права и эффективностью правового регулирования и важность использования нарративной и коммуникативной юриспруденции в условиях модернизации и цифровизации правовой системы для обеспечения легитимности закона.

Ключевые слова: лингвистическая парадигма в праве, коммуникация в праве, нарративная юриспруденция, правомочие в праве, дискурс в праве, принцип формального равенства, легитимация права.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the linguistic philosophical and legal concept. The work reveals the understanding of language as a methodological basis for understanding action in post-classical jurisprudence. The author explores the practical and doctrinal aspects of linguistic concepts in lawmaking and law enforcement. The article substantiates the relationship between the communicative understanding of the essence of law and the effectiveness of legal regulation. The author argues for the importance of using narrative and communicative jurisprudence in the context of modernization and digitalization of the legal system to ensure the legitimacy of the law.

Key words: linguistic paradigm in law, communication in law, narrative jurisprudence, authority in law, discourse in law, the principle of formal equality, and the legitimization of law.

Парадигма – важнейшая философская категория, используемая для характеристики приемов и моделей познания. По мнению Т. Куна, философа, который ввел данную категорию в научный оборот, развитие научного знания представляет собой смену парадигм. Причем парадигмы становятся таковыми, когда они становятся общепринятыми, например, фиксируются в учебной литературе¹. Применительно к юридической науке среди отечественных ученых существуют два подхода к пониманию категории

«парадигма». В узком понимании парадигма понимается как синоним типа правопонимания². В данной работе мы будем говорить о парадигмах в широком смысле. В таком аспекте эту категорию рассматривал Г. В. Мальцев: «Термин “парадигмы” мы берем в распространительном науковедческом смысле – это общепринятые в определенном месте и времени образцы постановки и модели решения научных проблем, своего рода теоретические и методологические координаты науки. Они меняются реже, чем основная масса научных идей, конструкций и тео-

¹ См.: Кун Т. Структура научных революций. М., 2001. С. 7–24.

© Денисенко В. В., 2026

² См.: Варламова Н. В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал рос. права. 2009. № 12. С. 24–35.

рий, представляют устойчивые рамки развития науки на протяжении столетий и целых эпох»³. На основании такого понимания Г. В. Мальцев выделяет ряд основных парадигм: «парадигмы объективности, парадигмы устойчивости; парадигмы закономерности; детерминистские парадигмы; парадигмы истины; парадигмы определенности и точности»⁴.

Использование категории «парадигма» в широком аспекте представляется продуктивным для юриспруденции, так как позволяет выявить связь юридической теории и методологии с определенной исторической эпохой и, соответственно, применять современные методы, соответствующие специфике современного государства и права. В отечественной юридической науке до сих пор господствует парадигма объективности (категория Г. Мальцева), которая была сформулирована в XVIII в. в период Просвещения. В эту эпоху право и государство рассматривались подобно естественным наукам, поэтому представлялось возможным открыть универсальные для всех народов законы и стандарты.

Пик популярности парадигм объективности и закономерности приходится на XIX в., который связан с развитием идей конституционализма. Взяв за основу конституций такие концепции, как права человека, общественного договора и разделения властей, в различных государствах были созданы схожие модели публичного управления. Например, все конституционные законы Южной Америки были заимствованы из конституционной модели США. В настоящее время стало понятно, что такой подход является ошибочным, так как формальные институты эффективны лишь при поддержке их обществом, а право представляет собой элемент культуры.

В зарубежной юриспруденции в течение XX в. сформировались современные методологические подходы, отражающие изменения, произошедшие за последние 100 лет в государстве и обществе, при этом в российской юридической науке до сих пор не произошла смена парадигм. В качестве философских основ используются категории и идеи Карла Маркса, которые обладали научной монополией в советский период. Изменение философской парадигмы необходимо в связи с радикальными изменениями, про-

³ Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007. С. 44.

⁴ Там же. С. 44–57.

изошедшими в обществе и государстве во второй половине XX в. Классические модели общества XIX в. раскрывали модели трудового общества, в то время как в настоящее время произошел переход к обществу постмодерна, связанному с феноменом общества информационного.

Таким образом, «на смену «трудовому», индустриальному обществу приходит посттрудовое, информационное общество. Данный период исторического развития называют обществом позднего модерна или постмодерна»⁵. Французский философ Ж.-Ф. Лиотар пишет: «...известно, что в последние десятилетия знание стало главной производительной силой, что ощутимо изменило состав активного населения в наиболее развитых странах»⁶. Именно информация стала главным фактором в современном обществе в отличие от общества индустриального. Ю. Хабермас отмечает специфику современного общества, в котором формируются «иные мотивации и ценности, не основанные на системе производства и утилитарной этике. Всё это связано прежде всего с телекоммуникативной революцией, затронувшей все сферы постиндустриального общества, а также с изменением принципов социальной организации, так называемым “неоконсервативным поворотом”, обнаруживающим себя в переходе от централизованных структур власти к локальным структурам, на уровне которых принимаются социально-экономические и политические решения»⁷. Переход к информационному обществу приводит к формированию новых общественных отношений, регулируемых правом, и к расширению предмета правового регулирования⁸.

В связи с отмеченными выше изменениями в обществе в зарубежной юриспруденции наиболее популярной в последние десятилетия стала лингвистическая парадигма. Данная классификация парадигм принадлежит представителям франкфуртской школы философии права К. О. Апелю и Ю. Хабермасу, которые выделя-

⁵ Денисенко В. В. Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 28–33.

⁶ Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 18–20.

⁷ Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1997. 640 s.

⁸ См.: Денисенко В. В. Юридификация общества и концепции правового регулирования // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2008. № 2 (5). С. 56–62.

ют три парадигмы: сознания, бытия и языка⁹. Применительно к правовым отношениям парадигма сознания – это концепция естественного права и прав человека, парадигма бытия – это идеи марксизма. Лингвистическая парадигма рассматривает правовую систему с позиции нарратива, текста и дискурса. В рамках такого понимания общества и права выделяют, соответственно, три направления: нарративная юриспруденция, герменевтика и коммуникативно-дискурсивная философия права. В рамках настоящей работы обратимся к коммуникативной и нарративной юриспруденции, так как последняя до сих пор мало известна в отечественной юридической науке.

Нарратив – одна из ключевых категорий современной политической философии. Оксфордский словарь дает следующее определение данного термина: «Нарратив (англ. и фр. *narrative*, лат. *narrare* – “рассказывать, повествовать”) – самостоятельно созданное повествование о некотором множестве взаимосвязанных событий, представленное читателю или слушателю в виде последовательности слов или образов»¹⁰. Следовательно, нарратив – это языковой акт. Нарратив как речевой акт возникает, лишь когда люди приходят к взаимопониманию. Понимание позиции говорящего «вовсе не означает поставить его на свое место и воспроизвести его переживания»¹¹.

Понимание взаимодействия через язык пришло через теорию языка К. Бюлера. Он выделил три функции языковых знаков: 1) репрезентативную – для представления положения дел; 2) аппелятивную – для обращения к кому-то; 3) экспрессивную, выражающую переживания говорящего. Данная классификация функций позволила отойти от понимания языка, описания или репрезентации и послужила основой для формирования новой философской парадигмы языка как действия. Такая парадигма была разработана Дж. Остином в работе «Слово как действие» и получила название «теория речевых актов».

Дж. Остин, в отличие от всех предыдущих исследователей, раскрывает иной аспект речи.

Посредством слов мы не просто передаем информацию, но совершаем действия, которые меняют социальные факты. Дж. Остин впервые указывает на то, что «в философии высказывание ранее рассматривалось как описание или утверждение чего-либо»¹². Дж. Остин ввел для обозначения слова-действия в научный оборот категорию «перформатив» (от англ. *perform*). Перформатив – это высказывание, которое одновременно является действием. В результате анализа языка Дж. Остин пришел к выводу, что любое высказывание, которое люди используют в жизни, имеет перформативное изменение. Так, фраза «Во дворе собака!» является не только описанием, но и предупреждением.

Концепция речевых актов Дж. Остина была дополнена и развита Дж. Серлем, который выделил правила регулятивные и конститутивные. Регулятивные правила регулируют деятельность, существовавшую до них, – деятельность, существование которой логически не зависит от существования правил. Конститутивные правила создают (и регулируют) деятельность, существование которой логически зависит от этих правил. Правила этикета относятся к регулятивным правилам; спортивные правила, создающие возможность самой деятельности, – к конститутивным¹³.

Идеи концепции речевых актов Остина – Серля, сформировавшись в английской аналитической философии, значительно повлияли на развитие теории дискурса в политической и правовой науке. Прежде всего речь идет о дискурсивно-коммуникативной теории философии К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса. Речевые акты с позиции дискурсивной теории Ю. Хабермаса являются более широким явлением, так как могут включать и акты как средства стратегических взаимодействий. Принципиальной позицией здесь «является понимание коммуникативного акта как базового действия для иных речевых актов. Использование языка с ориентацией на достижение понимания является фундаментальной формой его использования по отношению к стратегическому взаимодействию»¹⁴. Ю. Хабермас указывает: «Речевые акты могут

⁹ См.: Апель К.-О. Трансформация философии. М.: Логос, 2001. 344 с.

¹⁰ Oxford English Dictionary (online): Definition of «narrative».

¹¹ Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 516.

¹² Остин Дж. Слово как действие. М., 1986. С. 152.

¹³ См.: Серль Дж. Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. С. 152.

¹⁴ Денисенко В. В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2020. С. 223.

служить неиллокутивной цели влияния на слушателей только в том случае, если они приспособлены для достижения иллокутивных целей. Если бы слушатель не понял, что сказано говорящим, стратегически действующий говорящий был бы не в состоянии посредством коммуникативных актов спровоцировать слушателя вести себя так, как хочет вести себя собеседник»¹⁵. Сформулированная таким образом концепция речевых актов объясняет механизм координации взаимодействия граждан при помощи языка. Сторонники критической теории философии права, такие как Р. Алекси, Б. Мелкевик, А. Хоннет, Ю. Хабермас, обосновывают необходимость делиберативной демократии в современном обществе именно через такой вид речевого акта, как коммуникативный.

В рамках лингвистического понимания права существует принципиальное отличие нарративного подхода от дискурсивно-коммуникативного в понимании речевых актов, которое заключается в отрицании рациональности и возможности консенсуса с позиции нарративного подхода. Представители нарративного подхода рассматривают речевой акт в качестве повествования или рассказа, который может быть инструментом обмана или манипуляции, например в речи адвоката. В таком же ключе рассматривали категорию «нарратив» представители постмодернизма. Выражение «метанарратив» французского философа Ж.-Ф. Лиотара содержит критику идей Просвещения, называя их «большими рассказами»¹⁶. Понимание нарратива как идеологии, распространенное в европейской политической философии конца XX в., связано с тенденциями виртуального права, когда законы представляют собой «рассказ», служащий инструментом манипуляции со стороны власти. Симулякр (от лат. *simulo* – «делать вид, притворяться») – «копия», не имеющая оригинала в реальности. Сам термин в научный оборот ввел французский ученый Ж. Батай, однако мы используем его в настоящей работе с позиции Ж. Бодрийяра, чья интерпретация данного слова придала ему популярность. С позиции Ж. Бодрийяра, симулякр – это не просто обман или вымысел, а ситуации, когда в результате симуляции или имитации реальности формируется объект так называемой гиперреальности, т. е. симулякр.

¹⁵ Habermas J. Op. cit. P. 295.

¹⁶ Лиотар Ж. Ф. Указ. соч. С. 18–20.

Характеристика современного общества позволяет говорить о симуляции применительно к праву. «Новая юридическая картина мира эпохи постмодерна своей апологией размытого, сегментарного, плюралистического правопорядка, по существу, легитимирует отказ от универсального и общего права в пользу ситуативного и партикулярного, а в конечном счете – юридической войны всех против всех. Постклассическая юриспруденция – это юриспруденция возвращения в то правовое социальное состояние, существующее за рамками нормативных принципов формального равенства и эквивалентности. Право социальных отношений вытесняется правом социальных трансакций, юридическое содержание которых непрерывно перепределяется в зависимости от их месторасположения в обезличенной и анонимной сетевой структуре общения», – отмечает Ю. Веденеев¹⁷. В современный период правовая наука начинает рассматриваться как совокупность метанарративов, т. е. рассказов, навязывающих картину мира в системе категорий политической идеологии «ОТПП»¹⁸ способствовала и способствует мифотворчеству, выполняя политический заказ. На этом основании можно ей в качестве науки отказать. Но здесь оставим в стороне и экономику, и политику. Важнее обнажить гносеологические корни. Теоретики вспоминали о них, когда, например, указывали на причины множественности теорий, связывая их, в частности, с природой познания (превознесением одной стороны предмета в ущерб другим). ... Именно в процессе постижения (прежде всего на уровне познания) приходят к истинам (чаще относительным), но в том же процессе постижения рождаются симулякры», – указывает В. В. Лазарев¹⁹.

Можно сделать вывод, что лингвистическое понимание природы права соответствует специфике современного общества. Расширение предмета правового регулирования в условиях формирования цифрового государства требует понимания права с позиций современной философской методологии. Лингвистическая парадигма в праве имеет большее практическое значение, так как способна объяснить специфику новых правоотношений и разработать эффективные способы правового регулирования.

¹⁷ См.: Веденеев Ю. А. Юридическая картина мира : между должным и сущим // Lex Russica. 2014. № 6. С. 648.

¹⁸ ОТПП – общая теория государства и права.

¹⁹ См.: Лазарев В. В. Юридическая наука : продолжение полемики // Lex Russica. 2015. № 11. С. 10–24.

Библиографический список

- Апель К.-О. Трансформация философии. М. : Логос, 2001. 344 с.
- Варламова Н. В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал рос. права. 2009. № 12. С. 24–35.
- Веденев Ю. А. Юридическая картина мира : между должным и сущим // Lex Russica. 2014. № 6.
- Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
- Денисенко В. В. Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию : монография. М. : Юрлитинформ, 2014.
- Денисенко В. В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2020.
- Денисенко В. В. Юридификация общества и концепции правового регулирования // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2008. № 2 (5). С. 56–62.
- Кун Т. Структура научных революций. М., 2001.
- Лазарев В. В. Юридическая наука : продолжение полемики // Lex Russica. 2015. № 11. С. 10–24.
- Лютар Ж. Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.
- Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007.
- Остин Дж. Слово как действие. М., 1986.
- Серль Дж. Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986.
- Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1997. 640 S.

References

- Apel K.-O. Transformation of philosophy. Moscow : Logos, 2001. 344 p.
- Varlamova N. V. Russian theory of law in search of a paradigm // Journal of Russian Law. 2009. No. 12. P. 24–35.
- Vedenev Yu. A. The legal picture of the world : between what is due and what is // Lex Russica. 2014. No. 6.
- Gadamer H. G. Truth and method. Fundamentals of Philosophical Hermeneutics. Moscow, 1988.
- Denisenko V. V. Legitimacy as a characteristic of the essence of law. Introduction to theory : monograph. Moscow : YurLitinform, 2014.
- Denisenko V. V. Legitimacy of law (theoretical and legal research) : dr. legal sci. dis. Saint Petersburg, 2020.
- Denisenko V. V. The legitimization of society and concepts of legal regulation // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2008. No. 2 (5). P. 56–62.
- Kuhn T. The structure of scientific revolutions. Moscow, 2001.
- Lazarev V. V. Legal science : the continuation of polemics // Lex Russica. 2015. No. 11. P. 10–24.
- Liotard J. F. The state of postmodernity. St. Petersburg, 1998.
- Maltsev G. V. Social foundations of law. Moscow, 2007.
- Austin J. The word as an action. Moscow, 1986.
- Searle J. R. What is a speech act // New in foreign linguistics. Moscow, 1986.
- Habermas J. Theory of communicative action. Vol. 2. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1997. 640 p.

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Денисенко В. В., доктор юридических наук,
профессор кафедры публичного права
E-mail: v.denisenko@odin.mgimo.ru

Поступила в редакцию: 13.01.2026

Для цитирования:

Денисенко В. В. Лингвистическая парадигма в праве: анализ основных подходов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 1 (64). С. 349–353. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/1/349-353>

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry
Denisenko V. V., Doctor of Law, Professor of the Department of Public Law
E-mail: v.denisenko@odin.mgimo.ru

Received: 13.01.2026

For citation:

Denisenko V. V. Linguistic paradigm in law: an analysis of the main approaches // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 1 (64). P. 349–353. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/1/349-353>